

Он сидел перед открытым окном. Приятные весенние запахи цветущих растений: трав, цветов, почек – вливались в темную комнату, наполняя ее свежестью раннего утра и возбуждающей энергией весны, которая пробуждала в нем воспоминания детства. Ему не было еще двадцати, впрочем, день рождения будет сегодня. Родился он в пять вечера, мать рассказывала, что на столе тогда был вишневый пирог, с тех пор ему приятен этот запах – теплой, кисловато-сладкой вишни, нежный вкус весны, поздней весны, затянувшейся.

Он не спал всю ночь, может быть, так же мучился, как когда-то его мать, когда рожала его. Но эти мучения были близки не к рождению, эта боль была не болью счастья, когда даешь миру новую жизнь, а боль разочарования, боль утраты, боль смерти. Впрочем, смерть не наступила, она лишь приблизилась к юности,

лишь дыхнула на него, он почувствовал ее мертвецкий, трупный запах, противоположный тому, который сейчас вдыхал полной грудью счастливой наивной юности, не замечавшей неудач и предвврия горя.

Это был сон, ужасный сон, который, раз начавшись, продолжается всю жизнь. Он еще раз испытывал жгучую боль, те страшные урывки картин, мелькающих в его сознании, дрожащих, гаснущих в серой дымке, во мраке. Когда он еще не знал, что стал инвалидом.

На поле их привезли на рассвете, который, как сейчас, загорался где-то вдаль, было по-весеннему прохладно, земля была свежей, ночью был мелкий дождь, и запах сырой земли, в которую пахарь должен был посеять зерна, пропитывал молодых бойцов ожиданием. Она просила ласки, ждала своего хозяина, чтобы он накормил ее: вспахал и засеял пшеницей.

Он присел на корточки, положив автомат на мягкий чернозем, дышащий предутренними парами – дыханием земли, взял землю в ладонь, крепко сжал, сказав: «родная». Кто-то стукнул ему в спину, неприятно ударив его не то сапогом, не то коленом.

– Чего сидишь?! Поднимайся, каждая минута дорога, – это был капитан, его острые скулы и курносый нос кого-то или что-то ему напомнил, а черные строгие холодные глаза зверя впились с подозрением в его юношеское, доверчивое, простое лицо сельского парня, принявшего присягу три месяца назад и еще не привыкшего к жесткой, безжалостной военной службе, начавшейся для него войной.

– Чего рот открыл?! – добавил капитан с раздражением. – Вперед, вперед, орлы! Вы лучшие, вы солдаты неба! За Украину!

Подозвав к себе сержанта, он сказал ему:

– Враг занял вон те развалины аэропорта, сектор «В12». Его надо любой ценой отбить. Слышишь, сержант, любой ценой!

– Вас понял, – выпалил сержант.

Капитан остался у броневика, а солдаты во главе с сержантом их роты воздушно-десантных войск, пригнувшись, в камуфляжных формах, направились к мрачному силуэту башни, укрытому в серой предрассветной дымке. Но не успели они пройти и пяти минут, как земля под ними превратилась в огненный ад.

Он уже ничего не слышал, снаряд или мина разорвалась близко от него. Дым, комья земли, словно дождь, окружали его. В этой свалке черного и серого он совсем

растерялся, прижался к земле, которая теперь не казалась ему свежей и теплой, манящей и нежной, напротив, она была холодной, какой-то злобной, враждебной и пахла порохом. Ему показалось, что какой-то глухой, безболезненный, но могучий, почти мгновенный рывок разделил его пополам. Потом тьма, в которую он провалился мгновенно

Открыв глаза, он увидел ползущую землю, словно она уходила от него. Увидел взрытую, уродливую землю, впитавшую в себя человеческую кровь и от этого ставшую более черной и мертвенной, увидел обезображенные части человеческих тел, уродливые, покрытые кровью мертвые лица ребят, так и оставшихся лежать в ней.

Одни лежали с открытыми глазами, другие с полузакрытыми. Ему показалось, что они были еще живы, он захотел закричать, чтобы безжалостная земля остановилась, прекратила бесконечное вращение, но взошедшие на ней чудовищные плоды пробудили в нём зловещий страх. Обманутая человеком земля, ожидавшая жизнь, неожиданно пробудила в себе ненависть и породила в себе уродство и смерть, вызывавшую в его сердце безумный страх. Расколовшийся на две половины череп сержанта, которому не исполнилось и двадцати трех лет, был пуст, а рядом, у самого бедра, лежал закипевший от высокой температуры розово-черный мозг.

Потом опять провал в памяти. Этот сон, который он все хотел больше не видеть, возвращался почти каждую ночь. Порой ему казалось, что он выпал из времени, что это всего лишь сон, ужасный кошмар или жуткий ночной фильм.

Ему мерещилось, что это он тогда погиб, потому что именно он побывал в аду, а ребята остались в реальной жизни. Просто в аду все выглядит уродливо, наоборот. Но проклятье жизни куда страшнее ада. Его пальцы осторожно, словно он еще не верил или сомневался, потянулись к ногам и нащупали там лишь два уродливых обрубка,

скрытых под материей. «Странно, – подумал он, – а ведь я готов был поклясться, что чувствую их». Но, коснувшись, понял, что ошибся. Второй догадкой, что он не во сне и не в аду, а в реальной жизни, живой, был этот золотистый край горизонта, где блестела бесконечная земля, оплодотворенная и ожидавшая золотой урожай.

2.

Этот день был вдвойне радостным для него. У Максима был день рождения, ему исполнилось двадцать лет, а еще сегодня, в полдень, к нему должен был приехать сам президент. К этому торжественному событию стали готовиться еще за неделю. Из областной администрации к ним в село прибыли за три недели, как только узнали о такой великой новости. Нет, речь шла, конечно, не о дне рождения Максима, потерявшего в зоне боевых действий обе ноги, а о визите президента страны. Впрочем, этого визита могло и не быть, как сказал секретарь президента главе обл администрации, но, разумеется, никто об этом из села под Одессой не знал. Поэтому жители деревни стали готовиться к визиту главы государства со всей любовью, а местная обл администрация со страхом и уважением, породившим этот страх.

Разбитые дороги, не знавшие асфальта и в помине, вдруг были им покрыты за какие-то десять дней, правда, только до дома Максима; выделена была сумма денег, – из закрома председателя, – на новую крышу – взамен старой, дырявой; туалет, стоявший особняком возле кучи навоза, принял

стройный вид и обрел ярко белый цвет, навоз убрали, ограду не восстановили – на этом у председателя казна закончилась, но подровняли и окрасили в тот же цвет, что и туалет. Сарай решили не трогать – президент любит старинный декор, напоминающий ему приятные былые времена, которые запечатали в памяти теплые воспоминания о деревне, но десяток кур в пустой курятник пришлось добавить председателю из своего каменного курятника. Птицы, очутившись не в своей гавани, вели себя странно, они вытягивали шеи и одним удивленным или напуганным взглядом осматривали столпившуюся у ограды и во дворе толпу людей.

И в самом деле, уже к девяти часам утра у калитки, где был запах еще свежей краски, начали собираться люди. По их одежде было видно, что они не местные. Это были люди, прибывшие из города, журналисты – охотники за новостями. Потом пришвартовалась у наклонной обочины областная и местная администрация. Что говорило журналистам, у которых развито чутье на сенсации, что визит таки состоится.

Пока толпа горожан, к которой стали присоединяться и любопытные местные жители, толпилась в

мелких кучках у калитки и во дворе, а мать Максима, сорокапятилетняя полная крестьянка, заботливо бегала между приездными и с добродушной улыбкой услужливой хозяйки разносила еще теплые пряники, угощая ими не знакомых ей людей, Максим сидел за письменным столом, в своей инвалидной коляске, подаренной ему в госпитале как инвалиду и ветерану, вернувшемуся живым из зоны боевых действий, – все, что он привез с востока Украины, не считая медали, которую он с любовью, бережно хранил в шкатулке до сегодняшнего дня.

Еще в семь к нему вошла мать, удивилась, что он не спит, а сидит в коляске у открытого окна, откуда дул весенний ветерок. Она помогла ему привести себя в порядок, одела его в военную форму, в которой он четыре месяца назад прибыл из госпиталя. Вынула из шкатулки медаль и дала сыну. Он надел ее, прикрепив к груди. Мать поднесла зеркало, чтобы он мог увидеть себя. Максим поправил рубашу, коснулся медали, прижав ее к телу с гордостью, выпрямился.

– Красавиц ты у меня, – сказала мать.

Максим посмотрел в отражении на расчесанные волосы, увидел пару грустных глаз. Они показались ему не такими детскими, как в тот день, когда он покидал родную деревню с рюкзаком за плечами, они потускнели, веко, казалось, опустилось, делая взгляд более суровым, повзрослевшим. Но внутри Максим остался прежним, наивным юношей, прожившим все детство в родной деревне, не знавший городской жизни и впервые столкнувшийся с грубостью и жестокостью жизни за

пределами родного гнезда.

Но даже теперь, оставив свою часть тела за пределами родного края, он все еще мечтал наивной молодостью о большой счастливой жизни. Теперь в своем отражении в зеркале, которое держала его мать, он видел не юношу, а повзрослевшего молодого человека, мужчину, впрочем, еще не зрелого, потому что, по его убеждению, зрелость приходит к мужчине только после сильной любви к женщине.

Мать, приготовив комнату Максима для приема президента и перекрестив сына, убежала к гостям. А Максим вновь погрузился в воспоминания. Только теперь это были приятные, хотя и вызывавшие в нем трепетное волнение воспоминания. Это была Оксана – милая, стройная девушка, младше Максима на два года. Это была первая любовь, которую он с трепетом юноши, не знавшего женской ласки, хранил в груди вот уже пять лет. Они собирались повенчаться в местной церкви, когда он вернется со службы. Она казалась ему такой заботливой, ласковой с ним, порой строгой и рассудительной. Он помнил, как они вместе гуляли долгими теплыми вечерами вдоль ставка; как ее очаровательные босые ножки тонули в пышной зелени трав; как они вместе собирали вишню на дереве, и потом вкушали приготовленный из нее багровый горячий нектар вишневого киселя; как он помогал ей нести ведро парного молока только что подоенной ею коровы; как они вместе убегали от козы, неожиданно вздумавшей погнаться за ними, и как он прыгнул с деревянной платформы в мутный ставок, спасаясь бегством от взбешенного молодого теленка;

проплыла в теплых воспоминаниях о девушке их предрассветная рыбалка, где он поймал огромного карася и где на берегу под сенью дерева, раскинувшего изогнутые ветви, доходившие до воды, он впервые испытал сладостный поцелуй, прижав свои дрожащие от волнения губы к ее влажным девичьим губам, как тогда волнением колотилось его сердце, когда он ласкал ее девственную упругую грудь с розовым нежным соском. Но вдруг к этим теплым воспоминаниям добавились еще горькие чувства, чувство обиды, ревности, неясности и, как следствие, разочарования и пустоты, в которой он пребывал последние четыре месяца. На службе он писал ей длинные письма, полные любви и юношеских мечтаний, и она отвечала ему так же тепло и жарко. С одним таким письмом, в котором любовь заменила ему броню, он и пошел в ту ночь в бой, когда потерял обе ноги. Писал он ей и в госпитале, но стыдливо скрывал свое нынешнее уродство.

Однако в деревне невозможно что-либо скрыть, и как только он вернулся в родное село, уже все жители деревни знали о его тяжелом ранении. Оксану он видел несколько раз за четыре месяца, да и то случайно в первом месяце, когда она возвращалась с учебы из города. Она увидела его у калитки, сидящим на лавке, без ног, горящего жгучим ожиданием, измученного трепетным волнением, все еще надеявшегося на нее. Он увидел ее издали, как Робинзон, ожидавший на горизонте судно – последнюю надежду, она шла тяжело, как груженная баржа, хотя она ничего тяжелого не несла, кроме ее студенческой сумочки с конспектами.

Оксана, поравнявшись с ним, но не подошедшая к нему, чуть заметно поклонилась и быстро пошла прочь. Но даже за этот миг взгляда, полного жалости, он увидел ее покрасневшее лицо. Он еще долго смотрел ей вслед. Ему показалось, что она стала полнее, но эта полнота не портила ее гибкого стана и стройной девичьей фигурки, она стала более женственна, но более далекой для него, холодной и тающей в дымке, как и его мечты об их будущем.

Он инвалид! А что он еще хотел?! Она красивая, подвижная, с молодой энергией, так привлекающая мужчин, умная, у нее должно быть счастливое будущее, ясное и золотистое. Он погасил свою ревность и любовь чувством более благородным к этой женщине – он посчитал себя не отвергнутым, а другом, настоящим другом, который, зная, что причинит любимой лишь боль и страдание в жизни, освободил ее от своей любви, теперь она для него не невеста, а друг, ради которого он сделает всё на свете, перевернет горы и проплывет океаны. Это его желание превратиться в друга, а не в любовника или мужа, твердо засело в его сознании, он хотел все это сказать ей, не краснея и не волнуясь, ведь он уже все решил. Но сколько раз он ни выходил за ограду, она все не появлялась, наверное, выбрала другую дорогу. Потеряв надежду или почти потеряв, ибо влюбленные всегда оставляют последний отступ, он выяснил через своих друзей, что с ней все в порядке, жива и здорова. Большого ему и не нужно было. Из-за гордости, которой у него с лихвой было, он не решался написать ей. Так и ждал, вспоминая о ней, словно принимая бальзам после травмы.

Он услышал лай собаки, животное, запертое в комнате, рвало наружу, слыша во дворе голоса незнакомых людей.

Если бы она пришла. Большого ему и не нужно было. Она увидит, как президент лично приедет к нему, и, быть может, будет им гордиться, что жила с ним в одной деревне.

Он посмотрел на настенные часы, было четверть одиннадцатого. Развернул коляску к часам, так легче было следить за временем. Часы были в форме футбольного мяча, а под ними, вдоль всей стены, над кроватью висели фотографии минувших счастливых лет. Теперь он это понимал, счастье ушло и уже не вернется. На фотографиях было его счастье, улыбки, радость, веселье, победы и поражения, дружба и соперничество.

С шести лет он играл в футбол. Это был глоток свободы, это была его жизнь. Каждый день после школы он шел на футбольное поле, и вместе с друзьями они проводили в футбольном безумии до самых сумерек, пока могли видеть мяч. Так шлифовалось мастерство. Потом играли в районе и там побеждали, потом их пригласили играть в городе, пока двое его друзей ездили раз в неделю на тренировки третьего сорта клуба. Потом их троих заметили на одном из матчей, где его выпустили на поле в последней четверти часа второй половины игры, и он смог отличиться, забив единственный гол в том матче. Какая неопытная радость окрыляла его и его друзей. Их пригласили пойти на тренировку в клуб «Черноморец».

Друзья пошли, а он не смог – заболела мама. Но спустя неделю он появился на поле «Черноморца» и даже забил гол. Но это была репетиция перед настоящей игрой. Он и его друзья были в числе запасных. Трое деревенских парней, вершиной для которых было играть на одном поле хоть с одним игроком из знаменитого одесского клуба, неожиданно приглашены для игры в составе клуба. В тот день выпустили только одного из трех друзей.

Это был он, Максим. Гол он тогда не забил, но смог дважды отличиться, с его подачи были забиты два гола в ворота противника. Тренер тогда похвалил его, ставя его игру в пример остальным. Потом потекли месяцы неудач и тягостных разочарований. Он стал реже появляться на тренировках, в отличие от его двух друзей. Затем заболел его отец и вскоре умер, цирроз печени. А еще спустя три месяца его призвали в армию.

На одной из фотографий в обнимку стоят трое друзей. Было это на стадионе «Черноморца». Одна из трех фотографий досталась ему, с ней он не расставался на службе. Она хранила его от пуль, напоминала ему о юношеских мечтах. Теперь она висит на стене, над его кроватью. Двое его друзей, судя по их коллективному письму к нему, до сих пор играют за «Черноморец» в запасном составе, в надежде перейти в основной. Живут они в городе, там и работают, и учатся в педагогическом университете.

Кто-то окликнул его. Это была его мать, вся встревоженная, напряженная.

– Он приехал!

Кортеж из трех черных машин действительно стоял на улице у обочины, перегородив проезд, – не из-за того, что неверно поставили машины, просто улица деревенская была в одну полосу, а машины президента слишком крупные. Почти вся деревня прибыла к дому Максима. Президент был не один, с ним приехали: глава областной администрации, генерал-лейтенант из областного военкомата и президент знаменитого футбольного клуба.

Так как калитка была узкой, а иные гости широкие в некоторых местах, то пришлось открывать ворота. Мать Максима вынесла к гостям пирог, президент попробовал, похвалил хозяйку, назвал ее матерью героя.

Куры разбежались по двору, спасаясь от большого числа людей, влившихся во двор, прижимаясь к забору, с безумным кудахтаньем подпрыгивая выше забора и вылетая в огород. Председатель пообещал матери Максима оставить ей трех курей, если она скажет, что все их подарил ей лично председатель.

Максим сидел в коляске во дворе, в окружении толпы, с интересом разглядывая высокие чины, и краем глаза в надежде искал среди людей Оксану. Ее не было.

Президент сказал короткую речь, пожал Максиму руку за его героизм, за смелость в бою, сказал, что им должны гордиться молодые солдаты, вручил именные часы и футбольный мяч, на котором слабо виднелись подписи основного состава футболистов киевского «Динамо». Максим от радости прослезился. Кто-то из толпы крикнул: «Слава ВДВ!» Максим подхватил

и со слезами на глазах с наивной юношеской улыбкой звонко произнес:

– Слава ВДВ! Слава Украине!

В дом президент не вошел. Через пять минут его кортеж уже испарился, оставив журналистов в недоумении. Но и этого отснятого материала хватало для новостей и статей. Люди начали расходиться. Председатель пообещал матери Максима, что он даст средства на починку забора, якобы ему обещали выделить. Семь кур он забрал, оставив трёх, как и обещал. Правда, одну из них матери пришлось ловить в огороде.

Когда все разошлись, обсуждая новость и хвастаясь, что видели и даже фотографировали президента, в доме настала тишина. Собака выбежала во двор, несколько минут лаяла, посматривая в сторону ворот, затем утихла, спрятавшись в прохладной конуре, облизывая свои лапы и тихонько завывая.

Президентский кортеж выехал на шоссе и умчался в город, где президента ждал частный самолет.

– Устал я от этой работы, – сказал президент, разглядывая в окно сельские поля, на которых пыхтел трактор. – Хочу отдохнуть, – добавил он.

– Хотите поехать семьей? – спросила молоденькая секретарша.

– Да, на Мальдивы.

– Когда?

– Через неделю. Надо завершить еще несколько дел. Закажи на меня частный рейс на пять человек, до острова и обратно, через пять дней.

– Как в прошлый раз?

– Да, жене и детям понравилось.

– Это будет стоить полмиллиона евро.

– Да хоть миллион. Инкогнито, разумеется.

– Выезд и приезд ночью?

– Да, так лучше.

Уже темнело, Максим сидел у стола и глядел вдаль, как догорают последние лучи спрятавшегося солнца. В руках он все еще держал мяч, где на белых фигурах были выведены ручкой подписи футболистов. С интересом юноши он рассматривал каждую подпись, догадываясь, кому она принадлежит, и вспоминая игру этих счастличиков. Он гордился этим щедрым президентским подарком, ведь не каждому такой мяч достается. Вероятно, это был самый счастливый

его день. Часы висели на его руке, и он изредка поглядывал на имя того, кто сделал ему столь великолепный подарок. Да, сегодня он был вполне счастлив, внутри него бурлила энергия молодости, – когда не замечаешь неудачи и готов столкнуться с любыми трудностями и житейскими бурями. Он вновь окунулся в былые мечты и яркие воспоминания прошедших дней.

Мать Максима сидела в небольшом темном коридорчике, на табуретке. Из темноты ей был виден силуэт сына, сидевшего напротив окна. Уже не молодыми глазами она смотрела на родное дитя и тихо плакала, глотая слезы и сдерживаясь, чтобы сын не услышал ее.

